

Дневники

И.И. и А.Н. Серебрянниковых

[1919]

Иркутск¹. Декабрь, 1919. Последние дни перед падением правительства адмирала Колчака прошли в Иркутске тревожно и мрачно. Ясно видна была вся бесплодность попыток спасти обреченную власть; в воздухе нависла какая-то тяжесть: невидимая угроза давила сердце и мешала свободно дышать.

В нашей квартире тоже чувствовались подавленность и страх². Хозяйки нашей так и не было: понтонный мост сняли, шел густой лед по Ангаре, попасть в город было невозможно, и она волей-неволей продолжала гостить в Черемхове³. На моем попечении находились трое ее детей; когда настроение в городе стало тревожным, я, на свой риск и страх, приняла в одну комнату квартирантов, мужа и жену Ам-вых.

Как всегда в «переворотное» время, у обывателей постепенно исчезало чувство безопасности и уверенности; мы стали плохо спать ночами, тревожил всякий громкий звонок у двери или стук в окна. Каждый вечер я выходила, в лютый мороз, во двор и собственноручно запирала калитку на ключ и на железный засов; потом ложилась, одетая, на свою кровать и часами прислушивалась ко всяким уличным звукам. Иногда около полуночи несколько человек проходили тяжелыми шагами мимо наших окон, и я с замирающим сердцем ждала грозного визита. Однажды группа таких ночных прохожих остановилась вдруг у наших ворот: постояли несколько минут, осторожными голосами переговариваясь между собой, подергали кольцо у калитки и ушли, скрипя сапогами по снегу. Ужасные, тревожные ночи, которых я долго не могла забыть потом...

Мы с мужем уговорились спать по очереди, чтобы опасность не застала нас врасплох; в комнате не тушили света — так было как-то веселее и спокойнее. Но, в общем, почти не спали оба. Бывало, что я до рассвета не могла сомкнуть глаз, со страхом ожидая: вот-вот снова заскрипит снег под тяжелыми сапогами, вот остановятся у нашего дома недобрые ночные гости...

События шли своим чередом. Помню, как глубоким зимним вечером я сидела одна, в полной безнадежности, в углу моей любимой мягкой тахты в нашей комнате; вошел вернувшийся откуда-то мой

---

¹ Hoover Institution Library and Archives (HILA). Serebrennikov I.I., box 1, folder 2. Л. 1—67. На обложке надпись А.Н.Серебренниковой: «Дневник (Иркутск—Харбин—Пекин—Тяньцзинь). С 1920-го по 1939 годы». Опубликовано: Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920—1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219—260.

² Наиболее долго (пять лет) Серебренниковы жили в Иркутске по ул. 4-я Солдатская, в доме М.П.Трубачевой, известной бурятской общественной деятельницы.

³ Черемхово, город областного подчинения, центр Черемховского района Иркутской области Российской Федерации. Железнодорожная станция на Транссибирской магистрали, в 130 км к северо-западу от Иркутска.

муж. На нем лица не было. «Что случилось?» – тревожно вскрикнула я. «Все пропало, – ответил он, – и знай – если большевики возьмут верх, я застрелюсь».

Сердце у меня защемило. «Не падай духом, – сказала я все же твердым голосом, – все устроится».

На другой день мужа уже не было в нашей квартире. Он спрятался в доме наших хороших знакомых М., где и сидел, не выходя днем на улицу, а я побывала у чешского полковника П., знакомого нам еще по Омску, и заручились его согласием взять нас с мужем в интендантской эшелон, отправлявшийся во Владивосток. Срок отправки еще не был назначен – недели через полторы–две...